УДК 327

Михал ВИТ

«МЯГКАЯ СИЛА» ЕС И КИТАЯ НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ И ПРЕДЕЛЫ ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается роль Китая в Центральной Европе с акцентом на западно-балканский регион. Он включает балканские страны, не входящие в состав ЕС. Это Албания, Босния и Герцеговина, самопровозглашенная Республика Косово, Черногория, Северная Македония и Сербия. Китай стабильно расширяет свое политическое и экономическое присутствие (особенно в рамках двусторонних отношений) в западно-балканском регионе. В статье сделан вывод, что политика Китая может перейти от взаимодействия с исключительно политическими представителями к взаимодействию с широкой общественностью. В свою очередь, это потребует от Китая готовности действовать в качестве актора, создающего рамки сотрудничества и вовлеченности; в дальнейшем, это может привести к новой концептуализации политики «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, Европейский союз, международная политика, структурная сила.

В течение более чем десяти лет наблюдается устойчивый интерес Китая к Центральной и Юго-Восточной Европе, что ставит вопрос о степени влияния и целях КНР в данном регионе. Наряду с возрастающей плотностью взаимоотношений между странами ЦВЕ и Китаем на двустороннем и многостороннем уровнях, экспертная и академическая дискуссия о роли Китая в регионе очень поляризована. Во-первых, преобладает представление о Китае, как об источнике коррупции. Во-вторых, в экспертном сообществе широко распространено понимание того, что присутствие Китая в регионе означает непосредственную угрозу для ЕС с точки зрения навязывания различных норм и ценностей.

В рамках проекта «Один пояс, один путь» Китай значительно увеличил свое присутствие в регионе Западных Балкан. Это касается количества реализованных

© **Михал Вит** – профессор университета Метрополитен (Прага). **Адрес:** Чехия, Прага, ул. Дубечска 900/10. **E-mail:** michal.vit@mup.cz

Перевод: Ведерников М.В., Воротников В.В., Габарта А.А.

Статья является частью Специальной исследовательской программы университета Метрополитен в Праге [BB3 68-04].

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019148157>

проектов по обмену людьми. В этом контексте в рамках проекта «Один пояс, один путь», и более углубленно в ходе реализации формата «17+1»¹, был существенно расширен обмен на политическом, экспертном, академическом и деловом уровнях. Вангели и Палевич [Vangeli, A., Pavlićević, D., 2019] отмечают, что распространение влияния Китая на Западные Балканы рассматривается китайскими учеными как положительный пример сотрудничества. Эти процессы происходят наряду со снижением нормативной роли ЕС в данном регионе. Так, снижение заинтересованности ЕС в экономической, политической и нормативной интеграции открывает пространство для других игроков. Китай через свой глобальный проект «Один пояс, один путь» формирует политику, которая направлена на трансформацию и социализацию практики (открытыми методами) через нормы и ценности. В связи с этим, Вангели [Vangeli, A., 2019] обращает внимание на то, что заметное увеличение китайского участия в регионе Западных Балкан не имеет до сих пор предметных и глубоких исследований. В обстановке, когда сотрудничество выходит на новый уровень, необходимо избавляться от упрощенного представления о том, что снижение интереса ЕС к региону автоматически приводит к расширению пространства для Китая. Это понимание стало популярным в экспертном сообществе, воспринимаясь Китаем либо как угрозу для региона, либо как экономическую силу.

В данной статье исследуется фактор «мягкой силы» как объяснения политики Китая на Западных Балканах; и роль концепции «мягкой силы» в контексте отношений Брюсселя и Пекина. Основное внимание уделяется восприятию этих явлений в экспертном сообществе. Оно сконцентрировано в «мозговых центрах» и представлено академическими экспертами, формирующими идейную среду в области внешней политики. «Мозговые центры» играют важную роль в качестве передатчиков идей и их дальнейшего распространения, как в гражданском обществе, так и в более широких кругах общественности. В данной работе они выступают основным объектом исследования, когда речь заходит о внешней политике, особенно, когда это касается её нормативного воздействия. Неудивительно, что «мозговые центры» и экспертное сообщество играют решающую роль в качестве катализаторов идей в международной среде. С этой целью «мозговые центры» распространяют идеи, используя созданные международные контактные сети. Рассматривая регион Западных Балкан, необходимо обратить внимание на большой объем исследований, посвященных влиянию европейской интеграции на его политическое, экономическое и идеологическое преобразование. В более широком контексте весь центральноевропейский регион был предметом научных исследований, посвященных демократической трансформации, глобализации, региональному сотрудничеству, европейской интеграции, а также социализации при помощи норм и идей, исходящих из ЕС. Этот подход не является новым. Вангели [Vangeli, A., 2019] утверждает, что преобразовательная роль «мозговых центров» в европейском

¹ Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Греция, Венгрия, Латвия, Литва, Северная Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения и Китай.

интеграционном процессе может быть использована как уже функционирующий *modus operandi* в контексте идеологического воздействия Китая.

Статья построена на данных «мозговых центров», занимающихся политической трансформацией Западных Балкан, и на эмпирических данных. Во-первых, это масштабные полевые исследования, проведенные автором в период с 2017 по 2019 гг. В ходе них были изучены крупные инфраструктурные проекты, а также объекты тяжелой промышленности в Сербии (участок шоссе между Белградом и Чачаком; электростанция в Костолаце; сталелитейный завод в Смедерере; шахты в Майданпек и Боре), Северной Македонии (участок шоссе от Кичево до Охрида), Черногории (участок шоссе от Подгорицы до Колашина) и Боснии и Герцеговине (электростанция Станари). Во-вторых, это интервью с экспертами, государственными служащими, политическими советниками, а также представителями деловых кругов, по вопросам реализации китайских проектов в Белграде, Скопье, Сараево, Подгорице, Тиране, Афинах, Будапеште, Брюсселе, а также Шанхае/Ханчжоу. В-третьих, автор провел экспертный опрос среди сотрудников аналитических центров, ученых и журналистов. Опрос проводился в период с марта по июнь 2019 года и состоял из 15 вопросов с несколькими вариантами ответов.

В большинстве существующих исследований, посвященных влиянию Китая на Западные Балканы, подходы к этому вопросу формируются со следующих позиций. Во-первых, это геополитический аспект, связанный с ролью Китая в регионе как относительно позднего игрока, который только начинает реализовывать свою внешнюю политику [Le Corre, 2019]. При этом геополитическая позиция основывалась на подходе к региону как к «задворкам» ЕС [Doehler A., 2019]. Во-вторых, это экономический аспект, ориентированный на расширение сотрудничества между представителями бизнеса, что ведет к увеличению участия китайских компаний в строительном бизнесе [Vit and Lagazzi, 2018, Vit and Lagazzi, 2019, EIB, 2019]. В-третьих, это конфликтные ситуации с китайским участием, когда речь идет о несоответствии проектов государственным закупкам в рамках законодательных норм и экологических стандартов, введенных в ходе интеграционных процессов Западных Балкан в ЕС [Chrzová, et. Al 2019]. Особое внимание уделяется сотрудничеству сербских властей с китайскими институтами в вопросах безопасности.

Представители академических учреждений, анализируя развитие институциональных и идеологических основ сотрудничества Китая и Западных Балкан, отмечают, как например, Б. Ковальский [Kowalski B., 2017] и Сун и Паличевич изменение структуры международных отношений при реализации китайской многосторонней дипломатии в ЦЕ. Вдобавок, Пеперманс [Pepermans A., 2018] и Бьелич [Jasimovic, D., Dragutinović Mitrović, R., Bjelić, P., Tianping, K., Rajkovic, M., 2018] рассматривают экономическое сотрудничество между ЦЕ и Китаем, как последствие активизации политического и институционального взаимодействия. Большинство исследований рассматривают регион ЦЕ как часть проекта «Один пояс, один путь» в рамках формата «17+1», а Павличевич [Pavličević D., 2019] подчеркивает изменение концептуального подхода к Западным Балканам, связывая возрастающую роль Китая с изменением стратегии ЕС.

Концептуальная основа

Трансформационный потенциал ЕС зависит от его привлекательности в таких категориях, как экономическое благополучие, социальные нормы и идеи. Учитывая характер ЕС как политического союза с ограниченными возможностями для осуществления государствами – членами независимой внешней политики, идеи и нормы становятся его основными характеристиками. Поэтому во внешней политике ЕС в качестве ключевого ресурса использует нормативное давление, основанное на его преобразующем потенциале. Это требует широко признанного понимания интеграции в ЕС, как преобразующей силы по определению и означает, что она понимается как процесс, в котором целью, с точки зрения Брюсселя, происходит социализация участников посредством идей. В подобной логике Вангели [Vangeli A., 2019] и Павличевич [Pavličević D., 2019] видят растущую готовность Китая к практике социализации при разработке многочисленных платформ отраслевого сотрудничества и обмена людьми. Учитывая идейно-нормативный характер глобальных рамок развития китайского проекта «Один пояс, один путь», естественно, что процесс социализации происходит и в рамках реализации проекта, и за его пределами. В этом контексте необходимо подчеркнуть готовность Китая создавать, формировать и распространять свое идеологическое давление. Влияние, как ЕС, так и Китая, это источник идей и норм. С учетом характера нормативной внешней политики они стремятся социализировать приоритетных игроков.

В этой логике Чекель подчеркивает, что принятие правил и норм национальными институтами и их контекст определяются как социализация, процесс вовлечения участников в нормативно-правовое пространство данного сообщества. Результатом такой социализации является устойчивое соблюдение правил, основанное на интернализации этих новых норм. Социализация подразумевает, что, принимая правила сообщества, объект переключается с логики последствий на логику уместности. Этот процесс поддерживается с течением времени и совершенно не зависит от конкретной структуры материальных стимулов или санкций [Checkel, 2007: 5–6]. В данном контексте социализация понимается как влияние ЕС на государства, не входящие в его состав, посредством норм, идей и привычек. Во-вторых, воздействие норм, проецируемых отдельными акторами на более широкий контекст, где игроки являются объектами воздействия норм, ценностей и идей. Пасиорек-Херманн [Paciorek-Herrmann D., 2012] определяет этот процесс как «делание» и «социализацию», где она различает арену (контекст) и практики (изменяющейся) среды. Пасиорек-Херманн утверждает, что на этот процесс следует обратить внимание с точки зрения «аналитического акцента на рефлексивном, практическом процессе и социализации для анализа последствий этого процесса». Другими словами, ЕС как источник норм и идей считается не статичной, а постоянно развивающейся средой. Следовательно реализация политики на практике будет автоматически приводить к изменению норм [Paciorek-Herrmann D., 2012: 2]¹.

¹ В контексте региона ЦВЕ, который стал частью ЕС в 2004 и 2007 годах, Седельмайер утверждает [Post-accession compliance, 2009: 102], что установление условий развития для расширения ЕС на восток было проявлением ответственности ЕС за регион ЦВЕ и, следо-

Учитывая невозможность для ЕС использовать жесткие средства принуждения во внешней политике, в качестве обоснования внешнеполитической практики была использована концепция «мягкой силы». Она указывает на привлекательность ЕС в качестве инструмента преобразования. Это значит, что способность увлечь за собой (с точки зрения внешней политики) является важной составляющей внешней политики ЕС. На примере региона Западных Балкан становится понятным, как воспринимается способность Брюсселя осуществлять «мягкое» внешнеполитическое воздействие: является ли это особенностью исключительно ЕС, или и другие акторы также имеют возможность использовать «мягкую силу». В этом контексте следует подчеркнуть, что предрасположенность к использованию «мягкой силы» является общепризнанным элементом такой внешнеполитической стратегии, как «Один пояс, один путь». Цель статьи – определить пределы её использования для трансформаций идей и норм.

«Мягкая сила» как объясняющий подход

Концепция «мягкой силы» появилась в научных дискуссиях, посвященных внешней политике, в конце 1980-х гг. и получила дальнейшее развитие в течение десятилетия после окончания холодной войны в работах Джозефа Ная. Концепция была разработана в ответ на триумфализм США, как концептуализация лидирующего положения США в мировой политике после окончания холодной войны. Главным аргументом Ная была привлекательность культурной модели, связанной с американским лидерством в 1990-е гг. В качестве внешнеполитической основы концепция «мягкой силы» широко обсуждалась в контексте войны против терроризма и американской интервенции в Ирак. Последняя трактовка Ная [Nye J.S., 2011] определяет ее как инструмент внешней политики для снижения затрат. Понятие «мягкая сила» не было точно определено учеными, что создает концептуальные проблемы для дальнейшей разработки. В этом контексте Най определяет «мягкую силу» как «силу, способную влиять на поведение других, с целью получения желаемого результата» [Nye J.S., 2004: 2]. Как показывает Нильсен [Nielsen K. 2013: 727], в этом понимании «мягкая сила» – это политика, основанная на побудительных мотивах, которые являются убедительными по определению. Он также критикует неопределенность концепции «мягкой силы» с точки зрения определения элементов «жесткой силы», оставляя открытым вопрос, имеют ли экономические санкции такое же (символическое) воздействие, как, например, ракеты.

«Мягкая сила» определяется как «способность получать то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или платежей» [Nye J. S., 2004]. Таким образом, решающее различие между «жесткой» и «мягкой» силой заключается в

вательно, интерес в навязывании норм и ценностей был очень высок. Это согласуется с аргументом, что появление условий также привело к нормативному давлению на политические партии и институты. При этом демократизация рассматривалась как основной элемент трансформации региона ЦВЕ [Fuchs and Klingemann, 2011: 26]. Многие ученые утверждают, что для успешной демократизации должны существовать культурные сходства. Тем не менее, это не является обязательным условием, когда дело касается общей культуры [Fuchs, 1999; Fuchs and Klingemann, 2006: 27].

готовности следовать. Другими словами, ключевым механизмом достижения цели в случае «жесткой силы» являются силовые средства. В противоположность этому, «мягкая сила» фокусируется на привлечении других международных игроков к подражанию с точки зрения акцентирования общих идей, норм, ценностей и, прежде всего, культуры. Среди источников «мягкой силы» Най [Nye J.S., 2004: 5] упоминает: популярную культуру, передающую позитивный образ страны и общества; политические нормы и ценности, если они считаются желательными; и политические практики, если они рассматриваются в соответствии с ценностями общества. Нильсен [Nielsen K., 2013: 727] резюмирует, что инструментами «мягкой силы» в области внешней политики являются публичная дипломатия, определение политической повестки дня и парадигмы международного развития.

Однако использование «мягкой силы», согласно Маттерн [Mattern J., 2005: 578], также содержит элементы принуждения. Успех «мягкой силы» в долгосрочной перспективе основан на культивировании привлекательности. С этой же точки зрения, наиболее эффективное использование «мягкой силы» возможно только в балансе с «жесткой силой». Использование сбалансированной «мягкой силы» означает экономии ресурсов на использование (жесткой) власти в международных отношениях [Nielsen K., 2005: 727]. Кроме того, следует отметить, что ориентация на идеи и ценности подразумевает, что ключевым принципом «мягкой силы» является повышение эффективности влияния (конкретного) игрока в международных отношениях.

Характерные особенности проецирования «мягкой силы» ЕС и Китая в отношении Западных Балкан

ЕС	Китай
Акцент на трансформирующих идеях процесса расширения	Использование окна возможностей при снижении интереса ЕС
Привлекательность ЕС для широкой общественности	Сильная финансовая мотивация со стороны Западных Балкан
Установившиеся политические и институциональные отношения	Привлекательность для политических представителей
Культурная близость	Постепенное развитие интереса
Понятная структура отношений	Причастность к глобальной стратегии Китая

Примечание: таблица составлена автором.

Учитывая тот факт, что концепция «мягкой силы» возникла в западной подсистеме международных отношений, было понятно, что «мягкая сила» является дополнением нравственности и этического превосходства в международных отношениях. Таким образом, это делает концепцию «мягкой силы» в значительной степени зависимой от среды и субъективных оценок. Маттерн [Mattern J., 2005: 591] также обращается к необходимости определить характер взаимодействия между объекта-

ми «мягкой силы». Это дает возможность для более сложного ее понимания и исследования. В данной статье автор ориентируется не на определение «мягкой силы», как основанной на общечеловеческих ценностях космополитизма Ная, а исходит из понимания «мягкой силы», как привлекательной черты социальной конструкции. Таким образом, «мягкая сила» является результатом социального взаимодействия между несколькими игроками, результат которого основан на контексте времени и пространства.

В следующем разделе основное внимание уделяется концептуализации «мягкой силы» ЕС и Китая в контексте ее влияния на регион Западных Балкан.

Оценка применения концепции «мягкой силы» на Западных Балканах

Использование «мягкой силы» как теоретической основы в случае Западных Балкан отклоняется от социал-конструктивистской точки зрения, так как зависит от контекста своего происхождения. Анализ влияния «мягкой силы» обоих игроков должен оцениваться как процесс, в котором оба актора – ЕС и Китай – исходят из разных контекстуальных основ, и оба используют свою «мягкую силу» с различной интенсивностью. Это означает, что оценка применения концепции «мягкой силы» в случае ЕС и Китая не может быть расценена как игра с нулевой суммой.

Анализ результатов исследований, проведенных экспертным сообществом, фокусируется на следующих пунктах: а) способность быть признанным как фактор, использующий концепцию «мягкой силы»; б) способность к активному вовлечению всех заинтересованных политических сторон; в) способность реализовывать четкую политическую стратегию на Западных Балканах; г) понимание применения «мягкой силы» как концепта игры с нулевой суммой.

Автор статьи неоднократно сталкивался в ходе интервью с тем, что китайские институты очень привлекательны и активны в отношении реализации частных проектов в странах Западных Балкан. В результате этого формируется представление, что Китай интенсивно наращивает свое влияние и «мягкую силу», как в конкретной стране, так и в регионе в целом. За последние пять лет Китай был признан наиболее важным игроком в регионе, что было достигнуто с помощью использования «мягкой силы». Однако, что еще более интересно, ЕС не расценивается как ее доминирующий источник. Это означает, что в случае с ЕС степень его внешнеполитического влияния не оценивается сквозь призму «мягкой силы» и ее привлекательности. Другими словами, «мягкая сила» в данном случае не является доминирующей составляющей внешней политики. Однако исследование не дает ответа на вопрос, существует ли связь между снижением влияния ЕС и усилением влияния «мягкой силы» Китая. С этой точки зрения в обоих случаях элементы этой концепции демонстрируют достаточно слабую трансформационную силу. Тем не менее, как показал опыт исследований, проведенных на местах, за последние годы Китай значительно усилил свое влияние. Выразилось это в создании платформ сотрудничества на политическом и институциональном уровнях.

Главный инструмент «мягкой силы» – это способность вовлечь объект применения силы в сферу своего влияния; таким образом, политическое сотрудничество является важным аспектом этой концепции. Политические партии являются ключе-

выми элементами в плане распространения идей, что дает возможность формировать общественное мнение. Возникает вопрос – является ли «мягкая сила» верной концепцией для применения на практике, так как подразумевает, что вовлеченность заинтересованных политических игроков – это основная движущая сила для распространения идей.

Основные интересы китайской публичной дипломатии на Западных Балканах сосредоточены преимущественно на ключевых членах политических партий, независимо от их идеологии, вероисповедания или этнической принадлежности. Это приводит к созданию системы эффективного влияния и принятия решений без потребности вовлекать широкую общественность. Данный феномен отмечался и экспертами – Китай применял тактику точечного влияния на политических представителей без вовлечения широкой общественности с целью представить Китай с положительной точки зрения в отдельных странах. Подобная ситуация ставит под вопрос ключевые элементы концепции «мягкой силы» – такие как развитие социальной и идеологической привлекательности. Более того, возникает вопрос, а может ли вообще быть использовано (и если да, то в какой степени) онтологическое понимание концепции «мягкой силы» как ориентир и руководство к действию. В данном случае снова возникает противоречие между результатами интервью с экспертами и результатами исследования. Об этом говорят две тенденции: во-первых – сложность отношений между Западными Балканами с одной стороны, и ЕС и Китаем, с другой; во-вторых – сомнение относительно общепринятых концептуальных подходов к оценке степени влияния «мягкой силы». Таким образом, данная ситуация создает возможность для проведения дальнейших исследований и большей концептуализации, так как общее понимание политики Китая относительно Западных Балкан нуждается в детальной проработке.

Оценка политической стратегии ЕС и Китая на Западных Балканах в контексте концепции «мягкой силы» отображает широту рамок сотрудничества в отношении этого региона. Политика на Западных Балканах в обоих случаях является образцом для понимания экономического сотрудничества: в случае ЕС – это проработанный сценарий экономического сотрудничества, в случае с Китаем – активно развивающийся. В сфере бизнеса в регионе ЕС руководствуется максимально децентрализованными сетями сотрудничества. ЕС даже не координирует интересы своих государств – членов относительно Западных Балкан и третьих стран. Это означает, что политика «мягкой силы» ЕС в сфере экономического сотрудничества имеет ситуативный характер и вряд ли может быть превращена в унифицированную политику ЕС.

Результаты опросов, равно как и опыт, основанный на исследованиях на местах, указывают на то, что политика ЕС в плане достижения его интересов ограничена институциональными рамками. Следовательно, ослабление идеологических рамок ЕС – таких как верховенство права – потенциально может поставить ЕС в схожую с Китаем позицию. Стратегия Китая реализуется в рамках проекта «Один пояс, один путь» и в большинстве случаев исполняется государственными органами. Это приводит к тому, что число участников, заинтересованных в реализации западно-балканской политики, ограничено количественно и качественно.

Пределы политики «мягкой силы»

Использование концепции «мягкой силы» для понимания внешней политики сталкивается с двумя проблемами: во-первых, это касается онтологической трактовки политики «мягкой силы», когда она применяется на практике двумя разными акторами; во-вторых, неясно, является ли определение концепции «мягкой силы» исключительно индивидуальным для каждого игрока. Более того, возникает вопрос, следует ли трактовать политику «мягкой силы» сквозь призму концепта «игры с нулевой суммой» – когда выигрыш одного игрока автоматически означает проигрыш другого. В данном контексте рост числа публикаций и интереса со стороны научного сообщества относительно Западных Балкан демонстрирует пределы реализации политики «мягкой силы». В частности, исследования, проведенные экспертным сообществом, демонстрируют, что академический и научный дискурс ограничен в том, что касается концептуально обоснованной оценки проведения данной политики. В свою очередь, это означает, что идея концепта игры с нулевой суммой может быть оспорена с методологической и концептуальной точки зрения. И ЕС, и Китай сталкиваются с необходимостью модификации своей политики, когда речь заходит о формировании и правовом обосновании их стратегий. Тот факт, что расширение ЕС на Западные Балканы существенно замедлилось, означает, что цели по осуществлению трансформации достигли своих пределов. Теоретическое обоснование, сосредоточенное на социальном и идеологическом вовлечении, также имеет концептуальные ограничения. В то же время Китай стабильно расширяет свое политическое и экономическое присутствие (особенно в рамках двусторонних отношений) в западно-балканском регионе. Рано или поздно это приведет к тому, что политика Китая перейдет от взаимодействия с исключительно политическими представителями к взаимодействию с широкой общественностью. В свою очередь, это потребует от Китая готовности действовать в качестве актора, создающего рамки сотрудничества и вовлеченности; в дальнейшем, это может привести к новой концептуализации политики «мягкой силы». В данном контексте Вангели [Vangeli A., 2019] и Павличевич [Pavličević D., 2019] акцентируют необходимость нового теоретического обоснования китайской политики относительно Западных Балкан, что, в свою очередь, может способствовать лучшему пониманию методов политики «мягкой силы». Необходимо не только более точное определение «мягкой силы», но и дальнейшая проработка концепций идеологического влияния внешней политики.

Список литературы / References

- Corre, Le, P. On China's Expanding Influence in Europe and Eurasia, URL: <https://carnegieendowment.org/2019/05/09/on-china-s-expanding-influence-in-europe-and-eurasia-pub-79094>, Accessed 1/12/2019.
- Doehler, A. From Opportunity to Threat, URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/644196_0d99c0297f58418d854607e3eb2078bc.pdf, Accessed 1/12/2019.
- Fuchs, D., Klingemann, H.-D., Eds. Cultural diversity, European identity and the legitimacy of the EU. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011.
- Chrzová, B., Grabovac, A., Hála, M., Lalić, J., Western Balkans at the Crossroads: Assessing Influences of Non-Western External Actors, URL: https://6e7a0e8d-d938-46ff-832d-a1d2166bc3a6.filesusr.com/ugd/2fb84c_0111856c88724a8cb0caac1dad0d762e.pdf, Accessed 1/12/2019.
- EIB, Infrastructure Investment in the Western Balkans.

- Fuchs, D., Die demokratische Gemeinschaft in den USA und in Deutschland, Berlin: SSG Sozialwissenschaften. URL: <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/12523>, Accessed Dec 1, 2019.
- Jacimovic, D., Dragutinović Mitrović, R., Bjelić, P., Tianping, K., Rajkovic, M., The role of Chinese investments in the bilateral exports of new E.U. member states and Western Balkan countries. / *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 31:1, 1185-1197, 2018. DOI: 10.1080/1331677X.2018.1456357
- Kowalski, B. China's foreign policy towards Central and Eastern Europe: the "16+1" format in the South-South cooperation perspective. Cases of the Czech Republic and Hungary. / *Cambridge Journal of Euroasian Studies*, 2017. <https://doi.org/10.22261/7R65ZH>
- Pavličević, D. Structural power and the China-EU-Western Balkans triangular relations. / *Asia Europe Journal* 17, 453–468, 2019. DOI:10.1007/s10308-019-00566-y
- Nielsen, K. EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap Kristian. / *Journal of Contemporary European Research*, Vol 9, No 5, 2013.
- Nye, J. S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. / New York: Public Affairs, 2004.
- Nye, J. S., Jr. *The Future of Power*. / New York: Public Affairs, 2011.
- Mattern, J. Why soft power 'isn't so soft: representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics. / *Millennium* 33 [3], 583-612, 2005.
- Paciorek-Herrmann, D., Doing socialization after Accession'. *L'Europe en Formation*, 364[2], 2012. DOI: 10.3917/eufor.364.0343.
- Pepermans, A., China's 16+1 and Belt and Road Initiative in Central and Eastern Europe: economic and political influence at a cheap price. / *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 26:2-3, 181-203, 2018. DOI: 10.1080/25739638.2018.1515862
- Post-accession compliance with EU gender equality legislation in post-communist new member states', /Eds. Sedelmeier, U., Schimmelfennig, F., Trauner, F., 2, Vol. 13., 2009.
- Sarcinelli, U., *Politische Kommunikation in Deutschland. Zur Politikvermittlung im demokratischen System*. VS Verlag für Sozialwissenschaften: Wiesbaden, 2009.
- Vangeli, A. Diffusion of ideas in the era of the Belt and Road: Insights from China-CEE think tank cooperation. / *Asia Europe Journal* 17, 421–436, 2019. DOI:10.1007/s10308-019-00564-0
- Vangeli, A., Pavličević, D. Introduction: New perspectives on China – Central and Eastern Europe relations. / *Asia Europe Journal*, 17, 361–368, 2019. DOI:10.1007/s10308-019-00560-4
- Vit, M., Lagazzi, A., The Good, the Bad and the Ugly: Chinese influence in the Western Balkans.
- Vit, M., Lagazzi, A., Chinese Influence in the Western Balkans: An Annual Review.

“Soft Power“ of the EU and China on Western Balkans and its Limits of Application

Author. Vít M., Ph.D., Assistant Professor of the Metropolitan University, Prague. **Address:** Czech Republic, 100 00 Praha 10 – Strašnice, Dubečská 900/10. **E-mail:** michal.vit@mup.cz

Abstract. This article explores the role of China as normative player in the region of Central and Eastern Europe with a focus on the Western Balkan region, including: Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro, North Macedonia and Serbia. In this context, the relations between Western Balkans and European Union has been affected with the policy of China towards that region. Both players experience significant shift of their policies when it comes to shaping and framing their strategies. Enlargement process of the EU towards the Western Balkan shows that transformation have reached its limits. At the same time China is constantly attempting to expand its influence in the Western Balkan region. The author concluded that in this situation the China's policy will move from interaction with political representatives only to the dialogue with different social forces. It's important to be prepared to create a framework of cooperation and engagement. In the future this may lead to a new conceptualization of the policy of "soft power". As a result of the analysis the author stated that there is a need for a new theoretical justification of Chinese politics regarding the Western Balkans which may contribute to a better understanding of soft power policy methods. It is necessary to make more precise definition of "soft power" and to elaborate the new concepts of the ideological influence regarding the foreign policy.

Key words: soft power, China, EU, foreign policy, structural power.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019148157>